

Социальные реалии вчера и сегодня

© 1992 г.

С.Б. ФИЛАТОВ, Д.Е. ФУРМАН

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

ФИЛАТОВ Сергей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады РАН. В «Социологических исследованиях» опубликовал статью (1988, N5). ФУРМАН Дмитрий Ефимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Аналитического центра РАН. В нашем журнале опубликовал статью (1985, N 4).

Предварительная обработка материалов двух исследований, проведенных в июле—сентябре 1990 г. и в августе—октябре 1991 г.¹, породила множество вопросов. Нашей целью было выяснение картины современного массового религиозного сознания, прежде всего, русского населения «бывшего СССР», взаимосвязи изменений религиозного и политического сознания, восходящей к историческим и стилевым основаниям нашей культуры. Некоторыми результатами работы мы хотели бы поделиться.

Что же произошло за последние годы с массовым религиозным сознанием? В «перестроечную» эпоху наблюдался процесс бурного роста религиозности и столь же бурного исчезновения атеизма. Начало этого процесса относится к более раннему периоду, возможно, к позднесталинскому времени, когда впервые в советской истории приостанавливается «тотальная война» с религией, возобновившаяся затем в более вялой и формально-бюрократической форме при Хрущеве. В брежневское время нарастание религиозности, вхождение религиозности в моду особенно среди интеллигентской молодежи больших городов и творческой интеллигенции уже ощущались. Однако масштабы этого процесса были еще невелики, и роста религиозности опросы того времени не фиксируют. Даже в 1988 г. опрос, проведенный в Москве² советскими и американскими социологами, показал, что верят в Бога лишь 10% населения [1]. Но в 1988—1990 гг. этот процесс принял уже «обвальный» характер. В 1990 г. удельный вес верующих достиг в Москве 27%, а в целом по выборке — 29%. Атеистов в Москве в 1990 г. было 20%, в целом по выборке 26%; в 1991 г. процент атеистов снизился еще больше — до 10% и 14% соответственно.

Произошел новый удар «духовного маятника». Долгое время (30—60-е годы) продержавшись в «атеистическом положении», маятник начал медленное, едва заметное движение в обратном, «религиозном» направлении, затем стал двигаться заметнее и наконец в 1988—1990 гг. обрушился с громадной силой. «Симметрич-

---

¹ Исследование 1990 г. проводилось по заданию издательства «Прогресс» научным центром СОЦЕКСИ под руководством Л.Г. Бызова. СБ. Филатова и Г.Л. Гуревича. Выборка — 1855 человек в Москве, Пскове, Харьковской и Смоленской областях.

² Исследование 1991 г. проведено по заданию Аналитического центра РАН Центром Социальных исследований Московского отделения Советского фонда культуры. Исполнители — С.Б. Филатов, Л.Г. Вызов, Л.М. Воронцова. Выборка — 2 тыс. человек в 12 городах РСФСР и Северного Казахстана (в том числе Москве, Пскове, Екатеринбурге и Владикавказе).

Отношение к религии среди разных возрастных групп городского населения (1991 г.), %

Позиции	16 лет	18- 20 лет	21-25 лет	26 -30 лет	31-40 лет	41 -50 лет	51-60 лет	Свыше 60 лет
Верю в Бога	33	36	26	29	28	24	27	39
Колеблюсь между верой и неверием	18	28	34	25	28	29	36	23
Верю не в Бога, но в сверхъестественные силы	35	18	23	26	20	21	9	9
Убежденный атеист	9	10	5	6	12	11	17	16
Затрудняюсь ответить	5	7	12	14	12	15	11	14

ность» нового движения «в сторону религии» старому «от религии» видна и в том, какие слои им затрагиваются. Как и раньше, когда первой с религией порвала молодежь, а держались за нее старики, сегодня возвращение к религии совершается прежде всего среди молодых (табл. 1). Мы видим, что резко выше средней религиозности и религиозности средних возрастов религиозность молодежи и стариков, т.е. новая, идущая в гору религиозность, и старая, сохранившаяся (конечно, часть верующих старшего возраста тоже обратилась к вере недавно).

Распространение атеизма в эпоху «первого удара маятника» шло сверху, из интеллигентских слоев, хотя в этих же слоях существовало сильное сопротивление атеизму, а наиболее поддающимся атеистической пропаганде слоем был рабочий класс. В современной картине нового распространения религиозности (по данным опроса 1990 г.) тоже есть определенная «симметрия» с прошлым процессом. Хотя среди людей с высшим образованием верующих меньше (20%), чем в других образовательных группах (со средним и средним специальным образованием — соответственно 24% и 21%), и значительно меньше, чем среди лиц с незаконченным средним образованием (61%, здесь много представителей старой, «архаической» религиозности), интерес к религии у них выше (25% признают, что религия занимает важное или достаточно важное место в их жизни), чем у лиц со средним специальным образованием (только 20% признают такую значимость религии), и посещают церковь они чаще. Однако особенно интересно распределение по отдельным профессиональным группам. Очень высока религиозность работников культуры (верят в Бога 44%). Это та категория интеллигенции, в которой возникла своеобразная «религиозная субкультура» и, очевидно, от этой группы распространяется влияние новой религиозности на другие профессиональные категории, например, врачей (верят 35%) и учителей (23%), влияние, которому с особым трудом поддаются инженеры (верят 16%) с их атеистической субкультурой.

Симметричность можно отметить и в других аспектах. Движение к атеизму начиналось в Москве, Петербурге и затем распространилось в провинцию. Сейчас «обратное движение» также идет из крупных центров на периферию. По опросу 1990 г. уровень религиозности в Москве (27% верующих) превышал уровень религиозности в Харькове (12%) и в небольших городах Купянске Харьковской области и Холм-Жирновском Смоленской (20% и 15% соответственно), и только в некоторых деревнях, где еще держалась старая религиозность, уцелевшая от прежней атеистической волны, верующих было больше, чем в Москве.

Рост религиозности, «удельного веса» лиц, верящих в Бога, совпадает с ростом популярности православия, той веры, которая была господствующей в период, когда наш маятник начал свое первое движение «в сторону атеизма». Опрос 1990 г. показывает колоссальную популярность православия, с которым отождествляли себя 46%, т.е. значительно больше, чем верующих. Рост «прорелигиозных» настроений, естественно, обгоняет рост самой религиозной веры (согласно

опросу 1990 г., среди неверующих горожан 61% был уверен, что религия необходима для сохранения национального самосознания, 27% — для демократии и 31% — для управления государством). Множество людей не могут назвать себя верующими, но так или иначе ассоциируют себя с религией русского народа.

Итак, маятник возвращается в положение первоначальной религиозности? Перед нами вырисовывается картина будущего, которая в какой-то мере есть уже картина настоящего — российские чины, начиная с Президента, стоят со свечкой в православном храме, дети учат в школе Закон Божий, новое кооперативное предприятие обязательно освящается, а человек, объявляющий себя неверующим, ставит крест на своей карьере. Действительно ли такое будущее нам суждено?

Прежде всего, одним из важных и несколько неожиданных результатов наших исследований является вывод о том, что хотя атеизм продолжает отступать, тем не менее религиозный бум, похоже, уже кончается. И в 1990-м, и в 1991 г. процент ответивших «да» на вопрос «верите ли Вы в Бога?» один и тот же — 29. В Москве «удельный вес» верующих даже уменьшился с 27 до 24%, и если мы примем во внимание, что в целом он не изменился, а в Пскове, где опросы проводились и в 1990 г., и в 1991 г., процент верующих вырос с 24 до 27, возникает картина волны, доходящей из центра до отдельных пунктов провинции, в то время когда в самом центре вызвавшее эту волну движение уже прекратилось.

Уменьшился и процент лиц, говорящих, что «религия занимает важное место» в их жизни — с 28 до 25 в целом и с 30 до 25 в Москве. Таким образом мы видим, что «религиозное» движение маятника останавливается на уровне, несомненно, достаточно высоком, если сравнивать его с уровнем религиозности предшествующего времени, но отнюдь не на таком высоком по сравнению с уровнем религиозности европейских стран или дореволюционной России. Страной с религиозным большинством мы в исторически обозримое время, вероятно, не будем.

Еще один поразительный результат: в 1990—1991 гг. произошло резкое ослабление симпатий к православию. В 1991 г. отдельно были заданы вопросы о приверженности Московской патриархии и Российской свободной православной церкви (т.е. зарубежной карловацкой церкви, не признавшей подчинившейся большевикам «сергианской иерархии»). Неожиданным было то, что людей, назвавших себя приверженцами «свободной православной церкви» оказалось больше, чем приверженцев патриархии (соответственно 11 и 8%). Вряд ли эти люди — действительные приверженцы карловацкой церкви. Возможно, они даже не знают о ее существовании. Здесь, очевидно, сказалось другое — положительная реакция на слово «свободная» и определенное недоверие к официальной церкви, которое могло усугубиться появившимися в последнее время статьями о коррупции в патриархии, ее связях с КГБ и т.д. Движение от патриархии к «свободной церкви» можно в какой-то мере понять как продолжение «маятникового движения» к церкви, не запятнавшей себя компромиссами с атеистами. Но не менее важно и другое явление, никак не укладывающееся в логику «маятника»: удельный вес всех православных (и приверженцев патриархии, и сторонников «свободной церкви») в 1991 г. понизился по сравнению с 1990 г. по выборке в целом более чем вдвое — с 46 до 19% (в Москве — с 43 до 25%). При этом удельный вес верующих, как мы видели, не понизился. Кто же теснит православие?

В какой-то мере с православием начинает конкурировать католицизм, симпатии к которому довольно велики и приверженцы которого появляются даже в местах, где никаких католических общин нет (например, в Пскове, где в 1990 г. зарегистрирован 1%, а в 1991 г. 2% католиков), восточные религии (буддизм и кришнаизм) и меньше — баптизм. Но это все же безусловное меньшинство населения (католиков — около 1%, приверженцев восточных религий — 2%, баптистов — менее 1%). Основную же конкуренцию православию

Образование и отношение к религии, %

Позиции	Образование				ученая степень
	незаконченное среднее	среднее	среднее специальное	высшее	
Верю в Бога	34	33	27	26	15
Колеблюсь между верой и без- верием	22	28	33	27	27
Верю не в Бога, а в сверхъ- естественные силы	21	20	19	21	27
Атеист	9	9	9	13	23
Привержен одной из восточ- ных религий	1	3	2	1	0
Верю в переселение душ	8	9	10	8	12
Верю в телепатию	57	63	65	70	73
Верю в астрологию	42	51	53	57	42
Восточная мудрость играет в моей жизни большую или неко- торую роль	12	20	18	18	27

составляют не другие религии, а бурно растущая категория людей вообще без (конфессиональной принадлежности, "христиан вообще" Их удельный вес в 1990—1991 гг. повысился с 22 до 47% по выборке в целом и с 22 до 42% в Москве. «Христиане вообще» — это люди с менее определенным, менее четким религиозным мировоззрением, чем приверженцы какой-либо определенной конфессии, в частности, православные, и при чисто «маятникообразном» движении они должны были бы представлять собой переходную форму — людей, которые еще не православные, людей, которые уже верят в Бога или приходят к вере, но еще не готовы к безоговорочному вхождению в церковь и принятию на себя церковной дисциплины (к «христианам вообще», конечно, относятся и люди, которые не способны провести различие между православием и христианством, например, многие деревенские жители, но их удельный вес не возрос). У нас же наоборот: число "христиан вообще" растет быстрее, чем число православных и, что самое важное — за счет православных. Движение, таким образом, идет не к большей определенности, а к большей неопределенности.

Особый интерес в этом отношении представляет категория лиц, которые «верят не в Бога, но в «сверхъестественные силы». Часть из них идентифицирует себя с православием, часть с «христианством вообще», часть — с атеизмом, но вне зависимости от своих конфессиональных или атеистических симпатий, это — люди с наиболее неопределенным, эклектическим мировоззрением, с повышенным интересом к восточным религиозным учениям, спиритизму и современной паранаучной и парарелигиозной мифологии, строящейся вокруг парапсихологии, НЛЮ и т.д. Очень характерно, что среди лиц, которые «затруднились ответить» на вопрос о конфессиональном предпочтении, немало (32%) «верящих в «сверхъестественные силы». Таких особенно много (39%) среди приверженцев восточных религий. В опросе 1990 г. категория верящих в «сверхъестественные силы» выделена не была, поэтому динамику ее роста проследить трудно, но если мы обратимся к табл. 1, то увидим, что категория эта — несомненно растущая и «перспективная». Верящих в сверхъестественные силы становится все меньше и меньше после 30 лет, а среди молодежи — это самая многочисленная категория, «удельный вес» которой больше «удельных весов» и верующих, и колеблющихся, и атеистов. При этом вера в сверхъестественные силы положительно коррелирует не только с молодостью, но и с образованием, особенно

много представителей этого типа религиозности среди лиц с учеными степенями (табл. 2).

Таким образом, заметно движение, накладывающееся на «маятниковое движение», тормозящее его, отклоняющее «маятник» от движения к изначальному положению. В какой-то мере это распространение неправославных конфессий, которое в будущем, возможно, станет прогрессировать, но главным конкурентом и отступающего марксистского атеизма, и застывшего православия оказывается не какое-то третье (религиозное или нерелигиозное) мировоззрение, а некая мировоззренческая неопределенность, лишенное жестких контуров неструктурированное мирозерцание.

И если «маятниковое движение» (назад к религии, к православию) — явление скорее специфическое для нашей страны и других стран, переживших атеистические диктатуры, то рост такой мировоззренческой неопределенности, мировоззренческой энтропии — явление общемировое, цивилизационное. Оно связано с новым этапом процесса дедогматизации и роста мировоззренческой терпимости, которые начинают переходить уже в рост мировоззренческого эклектизма и лабильности отдельных компонентов мировоззрения, в принципиальную неспособность к мировоззрению определенному и структурированному. Рост этой категории людей, которые одновременно и неверующие, и не неверующие, которые могут сочетать формальную принадлежность к какой-либо христианской церкви со сменяющими друг друга увлечениями хасидизмом, Бхагават-гитой, буддизмом, вообще чем угодно, характерен для современных западных стран, и прежде всего — для молодежного корпуса интеллигенции [2]. Однако нигде эта неопределенная категория не достигает таких масштабов, как у нас. Очевидно, это связано с особой слабостью обоих наших основных исторических структурированных мировоззрений — растерявшего смысл и привлекательность формулировок марксизма и «окостеневшего» в эпоху своего монопольного господства, а затем в религиозном гетто советской эпохи православия. В росте мировоззренческой неопределенности мы обгоняем западный мир, здесь мы «впереди планеты всей».

В какой степени это своеобразие нашей религиозной и общемировоззренческой ситуации связано с процессами нашей политической жизни? Мы видим два движения в сфере массового религиозного сознания. Оба — от господствовавшего ранее марксистского атеизма. Но направления их — разные. Первое ведет к вере в Бога и православию. Второе, заглушающее первое, не дающее ему зайти слишком далеко, — это движение к аморфному, эклектическому сознанию, которое не конфессионально («христиане вообще») и даже не религиозно или антирелигиозно («верю не в Бога, а в сверхъестественные силы») и связано с увлечением «восточной мудростью» и современной паранаучной и парарелигиозной мифологией. Но именно эти два процесса, идущие «от» одного и того же мировоззрения, но в разных направлениях, прослеживаются и в политической сфере (табл. 3).

По сравнению с другими выделенными в таблице группами стремительно уменьшающаяся группа атеистов — это группа лиц с наиболее «коммунистическим» мировоззрением. «Коммунистические идеалы» и в этой группе сегодня не доминируют, но среди атеистов их эрозия значительно меньше, чем в других группах. Здесь больше сторонников социализма и марксизма, и они в большей мере, чем представители иных групп, готовы пожертвовать демократией ради порядка и твердой власти.

Атеизм уходит в прошлое и теснится другими мировоззренческими типами. Рассмотрим политические корреляции того типа, который связан с «маянникообразным» духовным движением — представителей религиозного мировоззрения.

Сравнение в табл. 3 первой колонки, содержащей ответы верующих, с другими колонками уже дает нам некоторые интересные результаты. Верующие —

Отношение к религии и политические взгляды, %

Позиции	Варианты ответов	Верю	Колеблюсь между верой и безверием	Верю не в Бога, а в сверхъестественные силы	Убежденный атеист
Ни в каком случае не следует отказываться от социалистической строя	Да	25	25	25	34
	Нет	54	57	60	50
Надо и дальше развивать демократию, гласность, не допустить режима личной власти	Да	51	60	62	58
Надо установить порядок, твердую власть. даже если для этого придется ограничить демократию	Да	34	27	26	31
Октябрьская революция изначально была преступлением перед народами России	Да	41	39	45	28
Какие эмоции вызывают у Вас слова «социализм»	Положительные	28	21	16	41
	Отрицательные	49	53	56	37
«капитализм»	Положительные	43	41	46	35
	Отрицательные	27	28	22	26
«марксизм»	Положительные	10	11	9	28
	Отрицательные	55	57	69	42

группа населения, которая даже в большей степени, чем атеисты, склонны к ограничению демократии и к режиму сильной власти. Удивительно (на первый взгляд) и то, что по отношению к социализму и даже по отношению к марксизму верующие занимают не крайне отрицательную позицию, а позицию между атеистами, с одной стороны, и колеблющимися и верящими в сверхъестественные силы — с другой, причем эта тенденция сохраняется и тогда, когда отсекается наиболее старая группа населения.

Еще более яркую картину дает выделение по данным 1990 г. группы православных верующих (учтены только горожане). Отмечается то же сочетание чисто идеологического и символического антикоммунизма с относителем «мягкостью» к реальным институтам советской власти и с сильным авторитаризмом и «антизападными» ориентациями, но еще более очевидное. Приведем лишь некоторые данные, характеризующие в этом отношении православных верующих и население в целом: согласны с тем, что «коммунизм непривлекателен», соответственно 40% и 34%, с целью развития «стать как Запад» — 27% и 38%, с целью «стать сильным государством» — 24% и 19%; положительно относятся к словам «права человека» 62% и 73%, к службе в армии как долгу и чести — 59% и 47%; оценили по пятибалльной шкале октябрьскую революцию соответственно 2,50 и 2,52; КПСС — 2,58 — 2,47; роль Сталина — 2,54 и 2,24, монархистов — 2,63 и 2,41.

Перейдя от верующих в целом к верующим православным, мы переместились в направлении «маятникового движения» к более структурированному и четкому религиозному мирозерцанию. Сделаем еще один шаг в этом же направлении — от православных к прихожанам одного из московских храмов. Если среди группы «москвичи» в целом положительное отношение к словам «демократия» и «права человека» выразили 78%, то среди прихожан выбранного нами храма (разумеется, на результатах опроса могла сказаться случайность в этом выборе —

политические настроения прихожан разных храмов различны) только 49%; согласились с тем, что армия — зло соответственно 30% и 9%; оценили октябрьскую революцию соответственно 2,26 и 2,33 по пятибалльной шкале.

Откуда эта относительная авторитарность в сознании православных верующих и своеобразное сочетание неприятия общих идейных основ нашего «старого режима» и одновременной «мягкости» к его реалиям, напоминающее отчасти аналогичную комбинацию общего идеологического антимарксизма и антикоммунизма с политическим блокированием с коммунистическими «фундаменталистами», которую мы можем заметить в идеологии «Нашего современника» и «Молодой гвардии», «Памяти», Невзорова и Глазунова?

На наш взгляд, это и есть траектория «маятникового движения» в нашей политической и общественной жизни. Движение, приведшее к победе коммунистической атеистической идеологии и соответствующего ей социального строя было движением не от буржуазной демократии, а от российского самодержавия и монопольного господства освящающей его и неразрывно связанной с ней ригидной, сопротивляющейся модернизации православной церкви. Демократия в нашей истории была лишь недолгим и неустойчивым «переходным» положением духовного и политического «маятника» от авторитаризма по формуле «православие, самодержавие и народность» к коммунистическому тоталитаризму. Поэтому и современное «маятниковое движение» — это не движение к демократии, а скорее движение через демократию, минуя ее, к авторитаризму с противоположным знаком. Психологические и общекультурные черты сходства двух политических систем и дают относительную «мягкость» православных верующих в отношении к реальным институциональным основаниям коммунистического режима (в отличие от его общеидеологических основ), к его реальности, к Сталину, к КПСС, к возможной «гекачепистской» перспективе восстановления сильного авторитарного режима. Политический коррелят (в массовом сознании) движения от атеизма к православию — это движение от коммунистического тоталитаризма к «реакционно-романтическому» авторитаризму.

Как можно теперь объяснить резкое падение числа православных в период с 1990—1991 гг.? Очевидно, большое число объявивших себя православными в 1990 г. были людьми, для которых православие выступало символом и выражением не «реакционно-романтических», а «западнических» ориентаций (прежде всего ожиданий от него роли религиозно-духовного освящения демократии, какую выполняет религия в США, Англии, Италии, Польше, Чехо-Словакии и т.д.). Но очень скоро между тяготением многих из них к демократии и движением к православию возникло противоречие, и демократически настроенные, скажем так, «поверхностные» православные, неопиты, стали в дальнейшем идентифицировать себя скорее с более аморфной категорией «христиан вообще». Связь отступления православия с продолжающимся движением массового сознания к ценностям западной демократии, на наш взгляд, подтверждается и резким падением в 1990-1991 гг. удельного веса лиц, считающих, что религия необходима «для управления государством» (с 44 до 26% по выборке, в Москве — с 47 до 21%) и «для укрепления демократии, защиты прав человека» (соответственно с 39 до 28%; с 35 до 27%). Особенно резко упал удельный вес положительного относящихся к участию Церкви в политической жизни страны (с 71 до 42%).

Движение к православию и его политический коррелят — движение к реакционно-романтическому авторитаризму образуют вполне реальную силу. И ее союз с «марксистским фундаментализмом» имеет глубокие основания и способен повлиять на сложившиеся политические отношения в обществе. Однако, как мы видели, на последние годы, особенно на последний год, тот самый, когда в нашем политическом сознании совершился стремительный переход к «западническим», буржуазно-демократическим ценностям, приходится ощутимый рост неопределенного, неструктурированного религиозного сознания (даже «ре-

Отношение к мифологемам и демократическим ценностям, %

Позиции	Варианты ответов	Отношение к астрологии		Отношение к восточной мудрости		Отношение к НЛО	
		верю	не верю	признаю	не признаю	верю	не верю
В западных странах сейчас наилучшее из возможных обществ. Нам следовало бы стремиться к нему		40	38	44	38	44	35
В условиях кризиса в нашей стране следует и дальше развивать демократию, гласность, не допускать режима личной власти		59	57	59	60	59	55
Какие эмоции вызывает у Вас слово «рынок»	Положительное	71	62	67	66	71	61
	Отрицательное	15	22	16	16	15	22

лигиозным» назвать его сложно). Есть ли связь между этими двумя движениями — в религиозной и политической сферах?

С каким типом религиозного сознания коррелирует наибольшая приверженность к западным ценностям? Не с атеизмом и не с верой, а с типом «колеблющихся» и еще больше — «верящих в сверхъестественные силы» (см. табл. 3). Именно среди «верящих в сверхъестественные силы» больше всего готовых отказаться от социалистического строя, противников авторитаризма и сторонников демократии «во что бы то ни стало». Именно эти люди ниже всего оценивают октябрьскую революцию. Естественно, «верящие в сверхъестественные силы» наряду с «колеблющимися» поддерживают преимущественно демократические организации (ДемРоссию соответственно 24% и 20%, ДДР — 28% и 26%, ср.: ДемРоссию поддерживают 17% верующих, ДДР — 19%).

Связь неопределенного и эклектического религиозного сознания с нашими демократическими ценностями подтверждается и другими данными. Эклектический, аморфный тип религиозного сознания тесно связан с увлечением паранаучной и парарелигиозной мифологией, особенно распространенной среди «верящих» в сверхъестественные силы». И корреляция веры в такого рода мифологема и приверженности демократическим ценностям очень велика (табл. 4). Рост демократических настроений и рост «свободного», эклектического типа религиозного сознания, своего рода мировоззренческой «энтропии» как представляется, явления параллельные и взаимосвязанные.

Демократия везде, во всем мире связана с дедогматизацией, «размыванием» жестких идеологических систем. Исторически формировалась она в странах протестантских, т.е. в странах с господством той формы христианства, которая первой пошла путем религиозной терпимости, толерантности и идейной дедогматизации. В таких странах, как Франция или Испания, демократия окончательно укореняется лишь после длительного и трудного процесса дедогматизации двух основных мировоззренческих сил — значительно более жесткого, чем протестантизм, католицизма, окончательное принятие которым демократических ценностей происходит лишь на II Ватиканском Соборе, и светской атеистической идеологии, прежде всего марксизма, прошедшего длительный путь от своего революционного прошлого до современных социал-демократий.

Дальнейшее развитие процесса дедогматизации, «размягчения» основных идеологических систем ведет к усилению «общемировоззренческой неопределенности», к тому, что становится все больше людей, которые ни верующие, ни неверующие, которые не верят ни во что до конца и верят во все сразу. Это очень серьезная

и глубокая тенденция, находящая выражение в самых разных сферах жизни (от отношения к семье, где усиливается плюрализм типов семьи и их лабильность, легкость перехода от одного типа к другому, до искусства, где растут «постмодернистские» тенденции эклектического соединения стилей). Но хотя эти тенденции в духовной жизни связаны с общим процессом дедогматизации и развитием демократии, все же психологическая и мировоззренческая основа западных демократий создавалась людьми с более определенными, хотя и утратившими прежнюю догматическую жесткость идеологиями — «смягчающиеся», «демократизирующиеся» католики и также «смягчающиеся» представители социалистической традиции во Франции, Италии, ФРГ, приверженцы одной из многочисленных церквей в США, стране с практически всеобщей верой в Бога. У этих людей демократические принципы базируются на каких-то общемировоззренческих основаниях, демократия у них вписывается в какие-то «метанарративы». Они могут объяснить свою приверженность демократии, ссылаясь или на принципы христианства и их интерпретацию протестантскими и католическими теологами, или на общую логику прогрессивного исторического развития.

Особенностью нашей современной демократии является практически полное отсутствие таких «метанарративов». Дедогматизация, демократизация марксизма у нас не состоялась. Но как у нас не получилось социалистического обоснования демократии, так и не получается ее обоснования другим нашим историческим мировоззрением — православием. Оно слишком ригидно, над ним слишком тяготеет груз его прошлого. У нас не получается ни настоящей органичной социал-демократии, ни органичной христианской демократии (вряд ли, думаем, стоит останавливаться на искусственном, «выдуманном» и подражательном характере наших христианско-демократической и социал-демократической партий).

Возникшее сейчас мощное стремление к демократии западного типа не подкрепляется никакими серьезными и самостоятельными идейными основаниями. Попробуйте спросить нашего рядового демократа или даже идеолога, почему он демократ — и ничего вразумительного, скорее всего, не услышите. Наше собственное обоснование демократии еще не написано, пока мы даже не очень чувствуем потребность в таком обосновании. Наша демократия оказывается «висящей в идеологической пустоте». Ее опора — неопределенное, аморфное, и эклектическое мирозерцание, зона духовной «энтропии». Более того, демократия в какой-то мере — порождение этой пустоты, ибо вакуум, образовавшийся при распаде марксизма, который не способно заполнить православие, заполняется простыми, нехитрыми идеями — «стать как все», достичь «приличного» образа жизни, известного по зарубежным кинофильмам и турпоездкам и т.п. Идеи эти настолько просты, вызывают настолько примитивные эмоции, что обходятся без мировоззренческих оснований. Говорит ли это о слабости, непрочности демократии?

На наш взгляд, влияние этой мировоззренческой неопределенности на нашу демократию по крайней мере двойственно. С одной стороны, при такой своеобразной мировоззренческой основе очень трудно выработать демократическую, правовую дисциплину, устойчивые организационные формы, даже действительную преданность демократии. Как при стопроцентном отсутствии веры в официальную идеологию мы смогли создать лишь предельно слабое диссидентское движение, так и сейчас мы очень легко можем стать жертвой нового авторитаризма, возникнет ли он на основе перерождения существующей сейчас власти или явится результатом нового путча. Более того, организационная рыхлость нашей демократии, соответствующая ее идейной рыхлости, легко переходящая в анархию, может даже провоцировать авторитарную альтернативу как путь к наведению минимального порядка, необходимого просто для жизнеобеспечения.

Но есть и другая сторона нашей мировоззренческой неопределенности,

которая может обернуться ее своеобразной «силой». Гипотическому авторитаризму победить будет легко. Но какова будет его идейная опора, если оба его потенциальных обоснования — фундаменталистски-марксистское и «реакционно-романтическое» — слабы и «разъедаются» этой мировоззренческой неопределенностью? В нашей духовной атмосфере создание массовой базы авторитаризма — задача крайне сложная. Собственно это мы и видели во время августовского путча. Разогнать защитников Белого дома было проще простого, но трудно было найти людей, готовых пойти на такое. И если все же новый авторитаризм победит, он может натолкнуться на сопротивление оооого рода — не на сопротивление противников, а на невозможность собрать минимально необходимое число сторонников, не на сопротивление стены, а на сопротивление ваты.

Может ли наша идейная неопределенность быть базой для демократии (безусловно, очень своеобразной, без ясной идейной основы, без сильных партий, без уважения к закону, при удивительном безразличии к тому, при какой конституции мы живем и даже — в каком государстве), по-своему прочной, или нас ожидает латиноамериканская череда тоже лишенных сильной идеологической базы и непрочных авторитарных систем? Покажет время. Ясно лишь одно — наша идейная неопределенность порождена очень глубокими причинами. Мы вступаем в новый «возраст», в котором есть свои плюсы (меньше опасности от необузданных идеологических страстей) и свои минусы (идейная вялость). Это — данность, и, стремясь сделать наше будущее более «человеческим», мы должны, нравится она нам или нет, исходить из нее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Project Understanding. A Survey of the Residents of Moscow Boston, 1988. Q. 51.
2. *Фурман Д.Е.* Тенденции развития массового религиозного сознания в США, // Социол. исслед. 1985. N 4; *Фурман Д.Е.* Упадок американской двухпартийной системы и эволюция массового сознания США// Вопр. философии. 1987. N 6.